

РИЧАРД, герцог Глостер, прихрамывая и пожевывая, как будто встал он до зари, выбегает из темноты, из самой глубины сцены, как из каморки, где спят слуги, обегает вокруг огромного, занимающего всю сцену трона, потирая руки, — сейчас он должен начать нелегкую, грязную работу. Поначалу даже кажется, что он возьмет швабру и ведро и начнет драить и мыть этот постамент. Но нет... Он начнет его завоевывать. А это — работа, тяжелая, грязная работа, и нечего прикидываться, что легко, артистично, элегантно, под звуки фанфар поднимаются на эту махину. Он выйдет на авансцену и, разведя руками, — мол, ничего не поделаешь, — поведает об этом залу. Это практические, насущ-

ди Анна (Л. Максакова) вовсе не обольстилась этим уродством, а просто покорились.

Глостер хорошо потрудился, запугав всех вокруг себя, и обернулся Ричардом III.

В пароксизме страха, с перекосенным от ужаса лицом королева Елизавета (А. Парфаньяк) «соглашается» быть посредницей между Ричардом и своей юной дочерью, с которой не расправился этот убийца потому только, что намерен взять ее в жены. А чего стоило ему, Ричарду, добиться этого? Ему пришлось убить малолетних сыновей Елизаветы, ее мужа, брата... Да, он труженик, работник, был работником-герцогом, остался таковым и на троне. Все своим горбом! Где они, эти помощники? Теперь все хотят получить свое. Бекингом (А. Филиппенко) единственный пы-

обаянию королей, царствующих вдов и лордов. В наше время физическое уродство Глостера уже меньше волнует актеров, они все чаще и чаще воссоздают на сцене Ричарда, который своими успехами обязан уму, воле и особенно актерскому дару. Он умеет обмануть и покорить всех благодаря своему обаянию и умению перевоплощаться. Такая трактовка тоже стала современной традицией. И за последние годы зрители ГДР, Венгрии, Англии, многих наших залов увидели именно такого Ричарда.

Так или иначе, многие хотят представить его красивее, сильнее, могущественнее, артистичнее, вдохновеннее, чем он остался в памяти истории, донесенной до нас Шекспиром, ибо иначе кажется невозможным объяснить, поче-

Окружающие называют Глостера «жабой», видят в нем царствующего (но не царственного!) паука. И Глостер становится таким. Он не столько сеет страх, сколько сам оказывается порождением этого страха. Уродливого, горбатого, кривого, выползающего из всех щелей.

М. Ульянов прекрасно играет человека, ставшего больше самого себя, исполненного мощью духа и разящим умом. Это дает его Ричарду физическую силу, распрямляет его, и он становится подлинным исполином, когда выходит на единоборство с Ричмондом.

Р. Каплянян, не только поставивший, но и оформивший спектакль, очень лаконично решил сценическую площадку: это трон — цель и смысл существования Ричарда III. Он занимает всю сцену, превращаясь то в зал заседания, то в поле боя, то в покои умирающего царя. Но, главное, этот трон столь огромен, что на него так просто не взойдешь — на него нужно карабкаться, а не будешь ловким, как обезьяна, он может обернуться и гильотиной.

Трон стал сценическим символом. Для Ричарда и ему подобных это та цель, которая оправдывает любое преступление, говорит театр в своем сегодняшнем сценическом прочтении трагедии Шекспира.

Глубоко символична поэтому в вахтанговском спектакле и сцена гибели Ричарда. Смертельно раненный, он делает еще несколько рывков вверх по трону и застывает на высокой его спинке — черный распластанный паук. Он убит не в открытом бою и даже не из-за угла. В него, не прячась и не тратя никаких усилий, сплевывая сквозь зубы, вонзает кинжал Ретклиф (В. Зозулин), который на протяжении всего спектакля был все время рядом с Глостером, олицетворяя цинизм короля-убийцы. И красная мантия, только что скрывавшая тело урода, бессильно повисает над тронном. Только почему эта мантия чистого алого цвета? Не так-то питавшая ее кровь. Но это деталь...

Я давно с большим интересом слежу за работой Михаила Ульянова. И я от души поздравляю этого замечательного артиста, с таким вдохновением и мастерством по-новому воплотившего знаменитый шекспировский образ.

Ростислав ПЛЯТТ,

народный артист СССР

ПОРОЖДЕНИЕ СТРАХА

ные вопросы его бытия: с чего начать, кого с кем столкнуть, как обмануть и отправить на тот свет, с кем расправиться потом, чьими руками... Все это будничные заботы, которые должны сделать герцога Глостера Ричардом III. Одним словом, он принимается за работу...

...Михаил Ульянов в главной роли начинает трагедию «В. Шекспира» «Ричард III» на сцене Театра имени Евг. Вахтангова (постановка Р. Капляняна, режиссер М. Ульянов).

Кларенсу Ричард — Ульянов говорит, что позаботится о нем и спасет его от клеветы и тюрьмы. Но при этом не очень старается: это не перевоплощение в сочувствующего сердобольного брата, а чистой воды демагогия — «слова, слова, слова».

Не просто завоевать ненавидящее, страдающее сердце Анны, но надо. И Ричард принимается за это нелегкое дело. Он не притворяется страстным влюбленным, а запугивает ее: да, да, он убийца многих прекрасных и красивых людей, и, если она не покорится, с ней будет то же самое. С него градом катится пот, он в пыли и в конвульсиях, напрягаясь и дрожа, мучительно преодолевая свой физический недуг, добивается успеха. Ле-

М. УЛЬЯНОВ в роли Ричарда III.

Фото М. ЧЕРНОВА

тается выторговать для себя плату по заслугам. Ну да, полагал ему взойти на этот трон. Но разве он столько же потрудился, как сам Глостер, что теперь может орать и топтать ногами?..

Шекспироведы утверждают, что знаменитый английский актер Кин создал традицию, долго бытовавшую на сцене. Его Ричард был романтически угрюм, со зловещим сверканием во взоре, страшный урод, который, однако, умел обольщать и подчинять своему

му так легко, почти не встречая сопротивления, быстро и ловко он расправляется с королем и сыновьями короля, с Кларенсом, Хестингсом, Бекингом и другими.

Михаил Ульянов отказался от обольстительного обаяния, в его Ричарде нет ни грама устрашающей силы. Ему это не нужно, так как он не борется за власть над людьми, он борется за трон.

Ричард добился победы, стал королем. Но театр не позволяет ему торжествовать. Внимание зрителя сосредоточено даже не столько на «деяниях» Глостера, сколько на атмосфере, царящей вокруг него. Это атмосфера страха, страха за собственную шкуру. И ловкому, хитрому Глостеру нужно только извлечь его наружу, расцвести всеми красками доступного ему спектра. С помощью этого орудия власть завоевывается Ричардом похода. Как бы без его участия.

Все актеры, каждый прекрасно играя свою партию, создают этот единый образ партнера и в то же время противника Ричарда — образ Страха. Мы читаем его на лицах и видим в каждом шаге любого из персонажей, страх становится воздухом спектакля, его эпицентром.